

УДК 371

ГЛОБАЛЬНАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ и проблемы когнитивной безопасности общества и государства

Вера Петровна Бедерханова,

*профессор Кубанского государственного университета,
доктор педагогических наук, г. Краснодар*

Темыр Айтчевич Хагуров,

*профессор Кубанского государственного университета,
доктор социологических наук, г. Краснодар*

В современных условиях в связи с распространением глобальных цифровых коммуникативных структур всё большее значение приобретают вопросы именно когнитивной безопасности, связанной со способностью общества сохранять и передавать последующим поколениям системную картину мира, способность усваивать сложные знания и оперировать ими, сохранять идентичность и ценности на основе логоцентричной когнитивной матрицы.

- знания • картина мира • цифровые экосистемы • логоцентризм
- когнитивные процессы • ранняя гаджетизация • угрозы когнитивной безопасности

Не так давно Министр обороны РФ С. К. Шойгу высказывался о том, что мы сталкиваемся с социкультурными угрозами и т. д. Но складывается впечатление, что в современных реалиях в условиях глобальной цифровизации на первый план выходят проблемы когнитивной безопасности, которая опирается на определённую группу технологий.

Глобальные цифровые платформы и сервисы сейчас всё более настойчиво превращаются в экосистемы, призванные целиком сопровождать жизнь современного человека. Об этом некоторые заявляют открыто, как, например, Фейсбук или российский Сбербанк. Они опираются на так называемые ИКС-технологии

(информационно-коммуникативно-социогуманитарные). Эта группа технологий появилась и стала интенсивно развиваться во второй половине XX в. Очередной рывок в своём развитии они совершили с появлением вычислительных машин и глобальной информационной сети. Предметом этих технологий, предметом труда в условиях посткапиталистической организации общества становятся человеческое сознание и процессы мышления, понимания и интерпретации окружающей человека действительности.

Под когнитивной безопасностью государства и общества мы можем понимать способность государства и общества сохранять некую систематизированную картину мира и способность размышлять, понимать и интерпретировать действительность на основе логоцентричной или текстоцентричной модели. Когда мы говорим о разного рода социокультурных угрозах (например, об угрозе исторической памяти, угрозе традиционным ценностям, которые в сознании молодёжи не откладываются, а замещаются какими-то другими ценностями, угрозе принятия чуждых для нас культурных образцов), мы должны понимать, что прежде чем возникает какая-то историческая память, историческое или политическое самосознание молодёжи и общества в целом, происходят процессы, связанные с усвоением передачи определённых знаний, формированием на основе этих знаний непротиворечивой картины мира, которая бы включала в себя понимание мира как политической системы, социальной системы, понимание собственного государства и собственной культуры как обладающих особым историческим путём и определённой спецификой, понимание своего места в мире и возможных стратегий реализации собственного «я» в течение жизни, жизненных сценариев с опорой на перечисленное. А в основе всего этого лежат знания. Эти знания должны быть переданы, усвоены, они должны быть достаточно непротиворечивы, должны позволять человеку интерпретировать окружающую действительность и себя в этой действительности. Поэтому когда мы говорим о том, молодёжь

обладает фрагментированной картиной мира или что у неё мозаичное мышление, мы не всегда понимаем, что за этим скрывается отсутствие системных знаний в сознании индивида и в сознании общества.

Первый вопрос национальной безопасности — это вопрос управления знаниями, передача этих знаний и интерпретация на их основе окружающей действительности. Поскольку Интернет и глобальные поисковые системы, такие как Google, или глобальные справочные системы, такие как Википедия, стали чуть ли не основными источниками знаний, то важно констатировать, что они не дают информацию беспристрастно. И Википедия, и поисковые системы подают особым образом структурированную информацию, отражающую лишь какую-то часть существующих точек зрения на те или иные события истории или социальной жизни. Когда мы говорим о том, что глобальные информационные системы свободно агрегируют информацию, нужно понимать, что это миф. Это происходит несвободно, избирательно, в соответствии с определёнными точками зрения.

Поскольку в образовании мы всё больше начинаем переходить к использованию глобальных цифровых ресурсов и платформ, нужно понимать особую опасность, которая таится в этом для сферы социально-гуманитарного знания и образования. Поскольку общественные и гуманитарные науки лишены той объективности, которая свойственна наукам естественным, история никогда не бывает однозначной. Интерпретация истории в любом государстве осуществляется в определённом ключе. Есть исторические факты и события, а есть их толкование. Эти толкования составляют главный предмет управления знаниями помимо того, что сами конкретные факты могут искажаться, меняться. В своё время в конце 1980-х гг. это происходило по отношению к советскому периоду нашей истории, когда назывались заведомо неправильные цифры, связанные

с количеством жертв репрессий, войны. На основе этих искажённых фактов давались соответствующие толкования.

Это одна группа рисков, которая связана с угрозой когнитивной безопасности.

Помимо исторических, социальных, культурных знаний есть ещё особая категория знаний, которая связана с формированием ценностей. Формирование ценностей происходит иначе, нежели формирование «знаниевых» структур. О ценностях сначала надо узнать, чтобы их пережить. Здесь очень значима задача передачи ценностей, их усвоения в каждом следующем поколении. Наряду с образованием эту задачу в себе несёт искусство (литература, кинематограф, другие жанры массового искусства). Оно должно принести молодёжи различие добра и зла и умение делать ценностный выбор на основе этого различия. Одна из таких опасностей — навязываемое убеждение, что понятия добра и зла относительны. Дескать, это искусственные конструкции. Каждый сам вправе решать, что хорошо, что плохо, и здесь нельзя ничего навязывать. Главное зло — это когда мы что-то кому-то навязываем. Это глубоко ложное убеждение. Оно противоречит самой социальной практике и имеет массу крайне деструктивных последствий, потому что общество, в котором стираются границы между добром и злом, ценностные границы, попадает в состояние хронической аномии, то есть безнормия. Если каждый вправе сам для себя решать, что хорошо, что плохо, если государство ограничивается лишь минимальными регулирующими функциями, то на практике происходит эмансипация потребностей отдельных индивидов или групп индивидов. Однако происходит не стихийная эмансипация, а управляемая через те же глобальные средства массовых коммуникаций.

Сегодня появился новый термин — «инфлюенсеры», влиятельные — популярные блогеры, лидеры мнений, интерпретаторы и т. д., проповедующие в первую очередь радикальный индивидуализм и эгоистические ценности. Если каждый для себя решает, что хорошо, что плохо, то высшей ценностью оказывается сам человек. Мы сейчас не говорим о такой группе угроз, связанных с пропагандой деструктивных и денормативных форм поведения, которыми

занимается целый ряд лидеров мнений, в том числе работающих через цифровые платформы. Такие персонажи, как Моргенштерн или Дания Милохин, «завязли в зубах», но нужно понимать, что это не отдельные персонажи, а коммерческие проекты, за которыми стоят определённые стратегии управления через активизацию определённых потребностей аудитории. Это технологии социального управления.

Для того чтобы в сознании человека сформировалась способность усваивать знания и ими оперировать, исключительно важно развитие второй сигнальной системы — развития речи и способности воспринимать тексты и оперировать текстом. Если мы хотим, чтобы человек был здоровым, надо правильно питаться и делать зарядку по утрам. Это тривиально, скучно, но это истина. Точно так же, если мы хотим научить следующее поколение понимать сложные вещи, то мы их должны научить читать, размышлять над прочитанным и обсуждать прочитанное. Способность к углублённому пониманию сложных вещей не формируется через визуальные образы, а воспитывается только через текст, воспринимается только через текст, воспринимается на слух, или непосредственно как текст. Для сознания ребёнка восприятие текста — это сложная интеллектуальная работа, при которой задействуются ресурсы воображения. Слова, которые ребёнок читает или слышит, нужно перевести в образы, а образы соединить между собой. Так развиваются интеллект и работа мысли. Вспомним афоризм, который гласит, что количество научных открытий, на которые способна нация, измеряется количеством сказок, которые могут рассказать её дети.

Одна из проблем сегодня — ранняя гаджетизация детей. Средний возраст, когда ребёнок начинает активно взаимодействовать с мобильным телефоном для просмотра развлекательного контента, составляет два-четыре года. А нужно понимать, что гаджет блокирует освоение

текста. Мы должны сначала ребёнку читать сказки, потом истории, потом научить его читать самому, размышлять над прочитанным. И только потом давать ему ограниченный контролируемый доступ к визуальной информации. И проблема не только в том, что информация, которую ребёнок получает из гаджетов, часто является травмирующей (как сказал протоиерей Андрей Ткачёв, «гаджет — это окно в бездну»). Гаджет — это примитивизация сознания. Когда ребёнок смотрит мультфильмы, он получает «переваренную пищу»: не надо напрягаться интеллекту, уже всё понятно и легко усваивается, не говоря уже о нравственно-воспитательном состоянии. Дети цифрового века — термин, который уже официально используется. Термин «цифровое слабоумие» используется психологами, и психиатрами, и педагогами. Привычка воспринимать информацию через гаджет, перегрузка разноплановой информацией, в первую очередь визуальной, блокирует интеллектуальные процессы. Как показывают исследования многих современных когнитивных психологов, состояние работы мозга оказывается близко к состоянию, в котором мозг пребывает в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. В результате формируется не только мозаичная картина мира, но формируется в принципе управляемая личность. Когда мы говорим, что современный человек должен

ориентироваться в море информации, которая окружает его со всех сторон, то речь идёт о том, что эту информацию нужно фильтровать, а фильтры — это элементы картины мира, которые позволяют отделять ложное от истинного, злое от доброго и т. д.

Сегодня в крайне уязвимом положении находятся все общества, включая российское, поскольку операторами знаний информационных потоков становятся глобальные цифровые платформы. Необходимо понимать, что они кому-то принадлежат, у них есть собственники, а также субъекты, определяющие их информационную политику и повестку и посредством этих платформ, с использованием когнитивно-социо-гуманитарных технологий, управляющие большим количеством людей во всём мире, в том числе молодёжью. Поэтому стратегическим направлением становится борьба за когнитивную самостоятельность и когнитивную безопасность, за сохранение способности думать и способности работать со знаниями, а не только с компетенциями. Компетенции — это способность что-то делать, знания — это способность понимать. Сегодня эта проблема выходит на первый план, требует консолидации усилий исследователей и практиков. **НО**

Global Digitalization And Cognitive Security Problems Of Society And The State

Vera P. Bederkhanova, Professor of Kuban State University, Doctor of Pedagogical Sciences, Krasnodar

Temyr A. Khagurov, Professor of Kuban State University, Doctor of Sociological Sciences, Krasnodar

Abstract. *In modern conditions due to spread of global digital communication structures, the issues of cognitive security are becoming increasingly important, associated with the ability of society to preserve and transmit to subsequent generations a systemic picture of the world, the ability to assimilate complex knowledge and operate with them, to preserve identity and values based on a logocentric cognitive matrix.*

Keywords: *knowledge, picture of the world, digital ecosystems, logocentrism, cognitive processes, early gadgetization, threats to cognitive security.*